

— Да что же вернулись тогда?
— (В ярости). А вы полагаете, все можно объяснить разумно?! Это в вас остатки ком-воспитания говорят?!
— Где вы сейчас живете? Квартира с тех пор осталась?
— Купил за валюту. В Планерной. Это был ужас — 10-этажные плоские дома. Сейчас поменялся. И живу в 15 минутах ходьбы от того места, где родился, и в десяти — от того, где мы жили с бабушкой.
— Вы так часто вспоминаете бабушку — должно быть, она была замечательный человек...
— Мой однокашник Эрнст Неизвестный называл ее Черчиллем в юбке. Есть такая икона — «Нерушимая стена». Вот Ольга Николаевна и была моя нерушимая стена.
— Она — Бунина? И у нас тут все спрашивают — к писателю вы не имеете отношения?
— Бунин я по отцу, это был род мелких помещиков. Фамилия фамилией, но в жидо-едские времена для меня было вопросом чести заполнить пятый пункт. Нет, бабушкин еврейский род восходит к XI веку.
— Неужели?
— Между прочим, в первой БСЭ есть упо-

академик Наливкин: «Большевики превращают пустыню в цветущий сад». Каково? Бред!
— Значит, вы были свободный художник?
— Если так можно назвать вечно голодного, несчастного мальчишку, который занимал у знакомых брюки и ботинки, чтобы пойти в редакцию... В конце сороковых однокашники, заведя меня на улице, переходили на другую сторону. После смерти деда квартиру отобрали, мы жили в дыре, где не было даже канализации. И каждый мой день начинался с того, что я выносил ведро не только с мусором, приговаривая при этом: «Молодого человека необходимо окружать красивыми предметами!». Я работал по многу часов в день, до кровавого пота.
— Боже мой, а ведь вы производите впечатление такого веселого, благополучного человека!
— Да, я теперь весел и жизнерадостен. Честное слово пропало, как говаривал Корней. У меня 6 тысяч работ в папках. Я задыхаюсь, мне некуда их ставить, они у меня на кухне, в коридоре, в комнате... И я ни на что не рассчитываю больше. Когда человек ни на что не рассчитывает, он, понимаете ли, не разочаровывается.
— Вы теперь совсем одиноки? Не женаты?
— Одиноким себя не ощущаю. Мог жениться за границей, но — оцените! — ни одного серьезного романа. Нелепая идея возвращения колом сидела в голове.
— Здесь вы нашли какую-то среду, вернулись в нее?
— Среда мне не нужна. Мне нужны улицы, на которых я когда-то был счастлив.
— Вы хотите сказать, что живете воспоминаниями?
— И еще интересами. Литература, поэзия, история. И есть несколько друзей с детства — Олег тот самый, я о нем уже рассказывал, я у него еще в школе алгебру списывал, а теперь он известный математик; Игорь Чутко, редактор журнала «Изобретатель и рационализатор», и его жена Нинель Жезлова; замечательный пианист и педагог Алексей Муравлев... А все, что напоминает богему, ненавижу.

Павел БУНИН:

«Я жив, можно сказать, по недосмотру»

Веч. кин. - 1993 - /интервью - С. 7.

Художник Павел Львович Бунин зашел в нашу редакцию не без ностальгии: «Как же, как же, ломбард в этом доме...» Принес огромную папку своих работ — графические иллюстрации к Пушкину, Киплинг... Редакционный народ ахал, осторожно беря в руки оригиналы, а Бунин только усмехался горько: «Если бы так лет 30 или 40 назад... Дорого личико но Христову дню...»

В 1978 году он эмигрировал, хотя был известен и ценен. А в 87-м вернулся в разгар перестройки, под солнышком надежды. Позади осталось австрийское подданство. «И надо же — опять нищий!» — смеется он.

Ужасно живые глаза. Входя в раж, он напоминает именно того умничку и не по годам образованного мальчишку, которого обожал в качестве юного собеседника Корней Чуковский.

На Бунине шикарный темно-синий бархатный пиджак. А папка с рисунками (две огромные картонные доски, завязки-веревочки) — самодельная, даже этикетка на картоне осталась из-под упаковки: «Куры потрошены...»

— Зачем уезжали-то? Ведь не совсем же тут бедствовали?

— Не в деньгах дело. После того, как дал дуба Иосиф Виссарионович, недостатка в заказах не было. Просто в воздухе оставалось все меньше кислорода. У меня в России было 12 выставок...

— Это немало по нашим понятиям.

— Да, но за рубежом в течение девяти лет — тридцать. А здесь они устраивались с большой кровью, с вечным припевом: «Иные получают после смерти».

— Уехали с легкостью?

— Я предпринимал отчаянные усилия, чтобы не уехать. Но умерла моя бабушка Ольга Николаевна, с которой мы жили вдвоем. Как-то сел в ванную и подумал: книги читал, девочки были, деньги были... И открыл газ. Через пять минут кто-то бешено стучал в дверь...

— Как я понимаю, самоубийство не состоялось?

— Читали в «Круге первом»? Там есть такой персонаж, художник Иванов-Кондрашев, это отец моего близкого друга Олега Ивашова-Мусатова (такова подлинная фамилия). Я голый выскакиваю — мой Олег стоит: «Собирайся скорее, нас ждут!» И хмара мгновенно с меня слетела. Он повез меня в церковь Ильи Обиденского, к отцу Владимиру. Это был красавец-старик, живой образ апостола с этюда Иванова. Он эзком был вместе с Олегом отцом и Солженицыным. Корит меня. «Грех-то какой... Ну давайте на секунду предположим, что есть-таки тот свет. Там с самоубийцами поступают очень круто. И вот представьте: вам в облаке показывают вашу Ольгу Николаевну. Вы просите, чтобы вас пустили к ней, а вам отвечают: «Э-э, нет, жди теперь миллион лет!» А теперь давайте-ка я вас перекрещу...» — «Да я, отец Владимир, совсем

по другой епархии» — «Ах вы, сосуд избранный, да хранит вас Пресвятая Богородица...»

Тут вся наша троица пустила слезу. Он был профессионал! Вот верите ли — камень с души снял. Вот из-за чего Россия погибает — из-за дилетантизма...

— И все же вы уехали. И вернулись. А что в середине?

— Я увидел мир. Побывал в 12 странах. Боже мой, я месяцами сидел в Акрополе. Или перед Нотр-Дамом, а за спиной стоял Лувр и плыли кораблики, совсем как на картине Марке...

— Приехали туда — на что жили?

— Писал портреты маслом. А здесь сейчас, по моим наблюдениям, у тех, кто имеет большие деньги, физиономии, на которые смотреть-то не хочется...

— В Греции — другие лица?

— В Греции с голоду не подохнешь. Все дешево страшно, дрянь кругом какая-то валется, кошки на трех лапах бегают. И сами греки похожи на грузин...

— Ну а античные-то лица есть?

— Еще был Одну такую встретил... Шея сказочно длинная, лицо цвета бледной слоновой кости, глаза чудовищной величины. Видение из другого мира, идеальная модель для врубелевского Азраила! Я подсел: «Предполагаю, так должны были выглядеть византийский императоры». Она слегка порозовела: «Я из рода Палеологов», — и показывает фамильный перстень...

— А в Англии что приятного в память запало?

— В Англии прямо с таможни чудеса начались. Я везу контейнеры — работы на выставку. Таможенник спрашивает: «Что это, сэр?» — «Эйт бомбз, восемь бомб, сэр!» — шучу я. «Эйт бомбз? Так проходите же скорее, сэр...» Разве возможен такой разговор на нашей таможне? Ха! «А ну покажи документы...» Англия — страна, где таксисты никогда не пересчитывают денег. Прелестный Реликтовый народ!

— Вы бредили Англией с детства, на этой почве тесно дружили с Корнеем Чуковским и английский выучили сами по стихам Киплинга и прозе Уайльда...

— Друзья договорились в Британском музее, что я смогу читать там любые письма исторических деятелей в подлинниках. Я выбрал Кромвеля, Нельсона, Черчилля. Боже мой, Нельсон! Казалось бы, грубый солдафон... Вот он пишет леди Гамильтон: «Верьте самому старому из своих любовников...». То есть ни о какой ревности уже и речи не может быть. Вот это повязанность, вот это да! Нет, моя жизнь за рубежом была прекрасна...

минание о бабушкиных сестрах. Одна, Фрума Фрумкина, член эсеровской партии, зарезала жандарма и была повешена при Столыпине, о ней написал эссе Мережковский. Другая — Эстер Фрумкина, одна из создательниц Бунда, потом стала ректором Института нацменьшинств. Разумеется, была сослана. Такая вот косточка! Прадед мой, между прочим, был миллионером. Так что я жив, можно сказать, по недосмотру...

— Во всяком случае ни в одной энциклопедии упоминаний о вас не нашло. С чего началась ваша судьба как художника?

— Стал рисовать, как себя помню. 37-й год воспринимал исключительно как юбилейный год Пушкина. Мне было девять лет, и на грандиозной выставке в Историческом музее среди прочих были и мои картинки. Пушкин с детства во мне сидел. У деда же была огромная библиотека. Он, между прочим, закончил Гейдельбергский университет.

— Ну а вы-то учились как нормальный советский школьник?

— Меня сначала отдали в Дом художественного воспитания, он был в здании нынешнего ТЮЗа. Там вместе со мной учился Виктор Бабицын, ошеломительно одаренный. Он уже в 14—15 лет делал работы, которым прямая дорога в музей.

— Кто такой, почему не знаем?..

— При этой собачьей системе? Он во всех редакциях нарывался на мелкотравчатое хамье, хлопал дверью и уходил. Со мной было бы то же самое, если бы мне не надо было поддерживать мать и бабушку.

— Заказными работами?

— Да, после Суриковского института, откуда меня с четвертого курса отчислили «за бездарность». С конца сороковых и до 53-го вы даже не представляете себе, какую мерзость мне приходилось иллюстрировать. Пьесы из «Пионерского театра». Или вот —

— Ходите на выставки?

— Нет. Ну в Пушкинский. Рембрандт и все прочее. Каждый сосуд наполняется до определенного предела. Помните, у Некрасова в «Русских женщинах», когда одну страшат Сибирью, в ответ звучит: «Кто видел Лондон и Париж, Венецию и Рим...»

— Павел — мое любимое имя, я так сына назвала, а мне все говорят — дура, оно несчастное: Павел Власов, Павел Корчагин, Павел Первый, наконец...

— Прекрасное имя! Одна из причин, почему я не остался в Израиле, такая. У меня там за 4 месяца прошло две выставки. Импресарио говорит: все прекрасно, вот только имя надо сменить. Но мне его дали мои родители! И я не остался, нет, думаю, у меня слишком мало времени, чтобы жить среди такой публики. Хотите, прочту стихи Киплинга про алло-стола Павла?..

И Бунин декламирует Киплинга в оригинале, потом в собственных переводах, потом неведомых нам английских авторов XV века — про рыцарей и прекрасных дам, про битвы и победы. После каждого восклицает: «Каково?!» И добавляет расстроено: «Эх, кость наша дурацкая, российская, ленивы мы и нелюбопытны!» И читает дальше. В особо драматических или трогательных местах голос его дрожит, подбородок тоже, уголки губ опускаются, а в глазах стоят слезы.

Беседовала
Наталья ЗИМЯНИНА.

На снимках: в 1948 году; с бабушкой Ольгой Николаевной (70-е годы).

Фото Александра АБАЗЫ и из семейного архива.

